

Поверь мне, уважаемый читатель, что я предпочел бы перенести это повествование в стародавние времена, когда степную гладь нарушали вихри, поднятые копытами орд, а всадники веровали в одушевленность природы и поклонялись каменным истуканам, чем говорить о временах, недавно отгремевших. Ведь в произошедшее весьма трудно поверить в наш просвещенный двадцать первый век. Нынешние люди знают буквально все, а о том, чего не знают, говорят будто слышали. Так или иначе, им никогда не попасть впросак, как будет описано ниже, ведь с недавнего времени любой, умеющий мало-мальски перебирать пальцами рук, способен открыть страницу поисковика или нашептать свой вопрос виртуальному голосовому помощнику. И все же я сам был свидетелем происшествий, о которых пойдет речь, глаза мои видели то, что существовало на самом деле, а уши слышали, что оглашало воздух, во всяком случае, если разум мой склонен по-прежнему подпадать отчасти под мою власть. И поскольку главной моей миссией является служение правде, а также некоторое увеселение по случайности заскучавшего читателя, то я вынужден следовать закону жанра и излагать имеющийся материал прямодушно и без пристрастия.

А произошло все не далее чем двадцать – двадцать пять лет назад. И даже теперь я склонен таким нехитрым маневром несколько отдалить период времени, когда произошли события. Но пусть будет так, как сказано, чтобы почтенный читатель не заподозрил меня в многословии или, что еще более жестоко, – в графомании.

Дабы соблюсти хронологию событий и облегчить читателю понимание места действия и героев повествования, я вынужден начать издалека. Ведь прямым началом событий была таинственная находка, которую обнаружили в глухом лесу мальчишки, прописанные по месту

жительства в замечательном во всех смыслах селе Колара, что стоит недалеко от восточной границы Казахстана.

В этом поистине потрясающем месте, которое городские жители любовно называют аулом, но, строго говоря, являющемся административным центром сельского округа, я оказался вследствие уговоров своего доброго дядюшки. Этот почтенный старик пятидесяти лет, между прочим, большой шутник и остролов, не уставал возмущаться при встречах со мной на различных семейных мероприятиях, вроде свадебных празднеств, дней рождения детей, обрядов обрезания или менее приятных, таких как поминки и похороны. В моменты крайней раздраженности, которые непременно наступали в завершение его наставительных речей, обращенных ко мне, он называл меня манкуртом, что, согласно бессмертному Чингизу Айтматову, означает человека, позабывшего свои корни. Право, по которому дядя называл меня таким неприятным прозвищем, было дано ему им же самим, ведь он считал себя хранителем традиций при городском колене нашей замечательной семьи.

Сам он более десяти лет назад переехал из аула, откуда происходили многие наши предки, в пригород Алматы и теперь считал себя совершенно городским человеком, хотя быт его мало изменился. Пригород и есть пригород. И все же это позволяло ему смотреть на городских свысока как на людей, фактически предавших вековечный кочевой образ жизни в угоду пустым благам цивилизации, к тому же пришедшей, американской, как он выражался, а кроме этого, как позже выяснилось, на людей из аула он смотрел не менее высокомерно, считал возможным поучать их как человек передовых, городских взглядов, приобщенный к последним вехам науки и техники.

Как-то раз много часов подряд, иногда с короткими передышками, он рассказывал мне о прелестях жизни в ауле, о красотах тех мест, в которых он обитал в пору нежного малолетства, а также о многочисленной нашей родне, до сего дня проживающей в тех дивных краях. Тот факт, что я не просился униженно, не рвался посетить места, откуда произрос корень нашей родословной, не стремился увековечить свою малую родину в текстах своей, пусть и бесталанной, прозы, приводило его в глубокую печаль и недоумение. Эти разговоры всегда носили характер пустой болтовни, как по мне (хотя, бесспорно, сам он верил, что я только из рассеянности своего недалекого ума забывал брать с собой блокнот, чтобы записывать его речи для потомков), но однажды случилось непоправимое.

Дело было в том, что один мой довольно бойкий юмористический рассказ неожиданно напечатали в республиканской газете. Но сам по себе этот факт был примечательным только для меня, пока какая-то киоскерша не продала экземпляр этой газеты моего дядюшке. Он ведал, что я занимаюсь этим малоприбыльным делом, но считал его не более важным, чем потуги трехлетнего малыша дотянуться языком до козявки в носу. Но, когда он позвонил всем городским родственникам, посвященным в мои дела, дабы убедиться в том, что глаза и разум ему не изменили и он взаправду узрел на страницах газеты мое имя и нашу фамилию, все для него изменилось. Он, возвращенный советским государством человек, почитал республиканскую газету пьедесталом, от которого следует сделать всего один шаг, чтобы оказаться на вершине литературной славы – в газете всесоюзной. Факт небытия Союза его, как оказалось, трогал так же мало, как выход на экраны очередного американского блокбастера.

К моему сожалению, эти сдвиги почувствовал и я, дотоле пребывавший в комфорте и неге в отношениях с этим чудачком. А комфорт мой заключался в том, что дядя до времени считал меня не только манкуртом, но и бездельником, неспособным даже вбить в доску гвоздь или проверить уровень масла в автомобиле, настоящим позором семьи и отщепенцем трудового общества. И вскоре наши отношения приобрели холодные, почти ледяные оттенки. Дядя, солидный мужчина и патриарх семьи, считал род деятельности, которым я намеревался кормиться, как бы это помягче сказать, слюнтяйским. Переживал он не только из-за моих нестабильных заработков, но и из-за того, что свободное время я предпочитал тратить на мараение бумаги (несмотря на то что я пользовался компьютером), а не на занятия спортом или физическим трудом. Моя худоба, а точнее стройное осанистое тело, которое древние наверняка посчитали бы достойным быть увековеченным в скульптуре, не давали ему покоя. И вот однажды что-то заклинило в его мозгу, какая-то летучее создание ужалило его в известное место и он, когда-то разрядник по какой-то борьбе, победитель какого-то первенства в армии, обладатель кубка по итогам некой допотопной спартакиады, а ныне любитель зарядок, физкультуры и упражнений с собственным весом и гириями, стал предлагать мне, молодому человеку, полному сил, схватиться! Как аристократ, как высокородный повеса екатерининских времен он даже предоставил мне право выбора. Подобно ассортименту в городских столовых, предлагаемое мне меню содержало в себе борьбу по-казахски, классическую борьбу, поединок по правилам бокса или даже с применением ударной техники ног. Надо ли говорить, что я не желал этой дуэли хотя бы потому, что при любом раскладе (а я был совершенно уверен в своей победе) я бы оказался в проигрыше, ведь нет чести в том, чтобы одолеть старика, равно как и мало приятного, ежели оный старик тебя поколотит. Он же счел мою почти сыновью заботу о его здоровье за трусость, недостойную мужчины, и с тех пор в наших отношениях пролегла трещина, которая разветвлялась при каждой нашей встрече.

И вот случилась эта публикация, которая должна была стать моей гордостью, а вместо этого стала причиной головной боли.

Отныне никаких семейных встреч и торжеств больше не требовалось, чтобы дядя мог повидаться с любимым племянником. Он бомбардировал меня звонками, посылал в мою квартирку разведчиков, а затем явился и сам во главе посольства, состоявшего из лиц солидных и властных, наделенных некоторыми правами на меня. Среди них выделялись мои седовласые родители, которые регулярно помогали мне деньгами, так как зарабатывал я в ту пору немного от ремесла, о котором шла речь, а также мои старшие сестры, которые, в свою очередь, могли похвастать такими суммами долгов, наделанных мною, что одного сдвига их настроения могло хватить, чтобы повергнуть меня в банкротство и нищету. Даже не берусь вдумываться в то, как дяде удалось собрать эту компанию, которая могла не только меня, слабосильного, принудить к любым действиям, но даже и небольшой вооруженный отряд.

Суть их требования заключалась в том, что я должен был немедленно собираться и под крылом и покровительством дяди отправляться в аул, дабы провести там выходные, а заодно набраться впечатлений и потом на основании их написать ни много ни мало – роман о тамошнем житье-бытье. Полагаю, так мои славные близкие родственники решили искупить перед предками и перед дядей лично, свою вину, ведь они, равно как и я сам, не бывали в ауле десятилетиями. Мой короткий успех

в области литературы, судя по их разговорам, сделал из меня человека. Да, да, просто человека, без прилагательных. И потому я должен был быть принесен в жертву, я должен был стать разменной монетой и отправиться с дядей в аул как представитель всех городских ветвей и ответвлений нашего рода.

Причины, по которым я считал невозможным перечить этим людям, дотоле бывших в моем понимании неподкупными и справедливыми, описаны выше, и потому могу лишь заметить, что согласие мое было получено тотчас. Не испытывая более терпения уважаемого читателя многословными вступлениями, приступаю к повествованию.

* * *

Издrevле казахи жили сплоченно, представляя собой большие семьи, целые аулы, подроды и роды, кочевавшие совместно. Для того чтобы разобраться в хитросплетениях родственных уз казахов, нашего быта и традиций жительствова, необходимо будет отвести под печатный текст, таблицы, графики и прочие визуальные символы много сотен страниц, чего, учитывая мои нынешние цели, заключающиеся в развлечении дорогого читателя, я, увы, сделать не могу. Скажу лишь, что многие села населены жителями, которые в той или иной близости приходится друг другу родными. Немудрено будет путешественнику обнаружить в казахстанских селах по двадцать-тридцать человек родичей, а если не родичей, то соседей и друзей или по крайней мере людей, могущих войти в семью друг друга в недалекой перспективе. Да и вообще известно, что в сельской местности люди живут дружно, открыто, в условиях, когда все их замечательные достоинства, равно как и редкие пороки, представлены на суд общестственности совершенно открыто.

Мне как коренному городскому жителю с извращенным представлением о жизни деревни, почерпнутым из фильмов и сериалов, а также из мудрых речей стариков, все это было в новинку и посему подогрело мой профессиональный интерес. Люди вроде меня, обладающие сомнительными талантами и посредственными способностями к писательству, все же иногда обладают некоторым любопытством, и особенно любят придавать этому качеству ореол романтичности и говорить о нем как о необходимости для нашего творческого ремесла. Мы, рабы литературных муз и служители Слова, которые на вопрос о кумирах непременно называют имена Толстого и Достоевского, в той или иной последовательности, и только компетентнейшие присовокупляют в сию блистательную компанию Чехова или кого-нибудь из века Серебряного, нередко пытаемся разорвать этот драгоценный, но тугой ошейник. И вот мне предоставилась возможность не только вспомнить о бессмертных трудах таких известных писателей Азии, как Ауэзов и Айтматов, Майлин и Есенберлин, но и попытаться проделать путь, который вдохновил их на те талантливые произведения, которыми мы сегодня имеем возможность восхищаться.

Мы запаслись провизией, забили багажник старых дядиных «жигулей» подарками и городскими товарами, которых, по его словам, было не достать в ауле, и, помолившись, отправились. Путь был неблизкий и весьма суровый, как по мне. Но мой дядя чувствовал себя отменно, разговаривал, веселился и даже пел, выключив при этом радио, и единственный фактор, который, как казалось, мог испортить ему настроение, — был я.

Как умудрилась его старая развалюха проделать этот путь в тысячу с лишним километров по дорогам, наверняка ставшим причиной обветшалости этого и тысяч других транспортных средств, мне до сих пор представляется удивительным. Но все же мы достигли пункта назначения – аула, расположенного между озерами Балхаш, Алаколь и Зайсан. С севера этот чудный край венчает хребет Тарбагатай, который, казалось, еще недавно был разложен на поверхности земли зеленым ковром и пребывал в той девственной природной красоте, как и был задуман Создателем.

Итак, несмотря на то что дядя свято поклялся взять меня под свое покровительство и по мере сил оградить от проявления излишнего гостеприимства, которое у казахов читится на уровне республиканского закона или даже выше его, состоялась бурная встреча. Нас встречали перед домом, вполне современным по тогдашним меркам, а внутри даже богатым своим убранством и евроремонтом, который считался в те времена явлением элитарным.

Забегая вперед, я отмечу, что встречали нас самые близкие мне по духу люди среди нашей сельской родни – дядина жена и их малолетняя дочь с ангельской внешностью. Они выглядели как фея со своей помощницей, были одинаково одеты в домашние платья с фартуками, что выдавало тот труд, которым они занимались в ожидании нас на кухне, с платочками или полотенчиками в руках и лицами, озаренными светом радушия. Дядя, уехавший в город на заработки, почти каждую неделю проделывал далекий путь, чтобы побыть со своей семьей и привезти в аул подарки, городские новости, свой недельный доход, а тут, в качестве особой диковинки, он привез и меня.

Городские члены семьи в ауле были явлением редким и потому особенно желанным, ведь издревле в степи любой путник считался ценным гостем, носителем информации и новостей, передававший хабар¹ о тектонических событиях, великих битвах и смене ханов на престолах. Кроме того, такие гости непременно привозили с собой разнообразный дивный товар из далеких земель и городов, который был особенно приятен жителям глубинки, ежели являлся подарком. С той седой поры мало что изменилось.

Я не мог не наслаждаться трогательной картиной воссоединения семьи, когда миловидная женщина, дядина супруга, приветствовала его такими словами:

– Ну что, нагулялся, старый хрыч? – и, по-видимому, засмутившись моего присутствия, тихо добавила ему на ухо: – Смотри, кобель несчастный, я все про тебя знаю!

Взять ли на себя поистине поэтический труд по описанию цвета лица моего дяди, который при мне старался выглядеть главой не только семьи, но и рода, или по описанию моего лица, которое украсила блаженная улыбка. В его достойной супруге я почувствовал родственную душу, а когда маленький ангел, их дочь, обняла меня за ногу, сердце мое дрогнуло. Вдобавок и дядина супруга, которую язык не повернется называть тетушкой, ведь выглядела она раза в два моложе самого суженого, ласково мне улыбнулась и расцеловала в обе щеки. Так люди, мало мне знакомые, запросто приняли меня в свое общество, как если бы знали меня с пеленок, и это было приятнейшим событием за последние часы.

¹ *Хабар* (каз.) — весть, новость.

Но дядя прервал эту милую сцену, сказав:

– Оставьте этого городского. Он слишком слабый. Покажите ему комнату, где он сможет завалиться в кровать и продрыхнуть часа три-четыре. Что поделать, так он привык, горемыка.

И хотя дядя вкладывал в свои слова определенный смысл, который, вкуче с насмешливым выражением лица, имел целью меня унижить, я был ему благодарен, ведь усталость с дороги давала о себе знать. Я тогда принял решение приберечь ответную колкость до поры.

Его жена, имя которой Бибисара, что означает что-то вроде «светлой госпожи», оказалась женщиной не только приветливой, но и тактичной. Меня проводили в отдельную комнату и предоставили наслаждаться благами местной цивилизации и красотами пейзажей: из окна открывался уютнейший вид на зеленый дворик с извилистой тропинкой, которая вела к трем объектам – к изящному железному кубу для дождевой воды с сочными рыжинками ржавчины на углах, к выжженному участку земли вокруг самодельного мангала и, главное, к уличному месту отдыха из досок, любовно окрашенных в яркие цвета. Эти удобства меня несколько смутили и расстроили, хотя я настраивался на полное погружение в деревенский быт. Ведь мои задубевшие коленные суставы не привыкли к глубоким приседаниям. Но я оставил эти невестельные мысли до того времени, когда они станут насущными.

Я решил все-таки воспользоваться советом дяди и соснуть часок-другой на застеленной для меня кровати. Честно сказать, я рассчитывал на спокойный вечер в узком семейном кругу, дабы употребить его на более тесное знакомство с дядиной семьей из двух представительниц прекрасного пола. Но я был наивен. Я был слеп.

Кто же мог предсказать, кто мог ведать, что, пока я наслаждался пребыванием в царстве Морфея, произошли невероятные события, которые и позволили мне в дальнейшем наблюдать настоящую драму, фольклорное представление, борьбу характеров, по моему мнению, вкуче достойные быть записанными.

Первое, что бросилось мне в глаза после сна, была темень, ведь проспал я вместо одного-двух часов целых четыре, как, между прочим, и предсказывал мой мудрый дядя. Я умыл лицо в предоставленном лично для меня тазике с теплой водицей и, почувствовав себя бодрее, вышел в свет.

Как уже упоминалось, мы, казахи, любим принимать гостей, любим тои и празднества, любим застолья и угощения, любим настолько, что каждый, кто отважился на строительство большого дома, непременно посвятит под это дело целую залу, центральную комнату в проекте своей будущей обители. Там обязательно будет стоять длинный стол со множеством стульев, который, конечно, будет пустовать большую часть года, но зато, когда придет время тоя, хозяевам не придется краснеть, и с этого стола, достойного лучших европейских дворцов, будут тщательно стерты слои пыли, и он будет нагружен яствами, напитками, изящной посудой, которая досталась хозяйкам еще от прабабушек в качестве приданого.

Именно в такую комнату с претензией на палаты я и угодил. И был тронут до слез.

Комната была освещена со всех сторон, и даже пол отражал языки пламени из печи. Длинный стол ломился от тарелочек и чашечек, полных разноцветными закусками, и я был уверен, что до подачи основного блюда предстояло еще немало преодолеть. За столом сидели двое

мужчин, одна женщина, а во главе его восседала величавая прародительница, чья-то бабушка, может, даже и моя. Она могла быть матерью или бабушкой дяди, его жены, его двоюродного брата, или кого угодно еще (о родственных связях читатель уже уведомлен).

Вот, подумал я, настал час моей славы! Я был польщен. Я чувствовал, что именно здесь, среди трудовых людей, крестьян и скотоводов, чабанов и молочниц, талант мой будет оценен и восхвален по достоинству.

Хмурые и подчас даже растерянные лица гостей меня не смутили. Ведь это были люди села, привыкшие после тяжелого дня посидеть за столом, вкусить здоровую пищу, которую они сами же и добыли от своего скота, из своих полей и огородов, и покумекать о севе, жатве или чем-то подобном.

Это выглядело торжественно, и я надел соответствующую случаю маску на свое лицо. Я обошел гостей и со всеми поздоровался, как того требовал обычай, ведь хоть я и оказался на правах хозяина дома, все же являлся младшим по возрасту и должен был выказать уважение, прежде чем на меня посыплются комплименты и мои литературные труды станут темой всего вечера, а то и ближайшей недельки-другой.

На меня косились, протягивали руки, кивали головами. Что говорить, ведь приехал родич из города, настоящий франт и к тому же писатель, без пяти минут лауреат какой-нибудь премии или кавалер каких-нибудь золотых орденов. И тут вошел дядя, сразу испортивший величавость картины.

– А, проснулся, лентяй! Садись поешь и пока не мешайся под ногами!

Это было грубо даже для такого неотесанного человека, каким был мой добрый родич. Он даже не удосужился представить меня гостям, и только поистине сестринская улыбка его жены сдержала меня от того, чтобы обдать его ледяным взглядом. И я простил его опять.

– И что, большое? – спросил важный мужчина, лет сорока пяти, не обращая на меня никакого внимания.

– Огромное! Вот такое! – ответил другой, с отекившим, блестящим от пота небритым лицом и синевой под глазом. Руками он держал воздух, как будто держал голову убитого врага.

– Невероятно! – вставил дядя и задумчиво устремил взор в дали, недостижимые для простых смертных.

– Где дети? Надо их хорошенько расспросить. Наверное, они что-то напутали.

– Нет-нет, аким-ага! Я сам видел, собственными глазами, – ответил мужчина с заплывшими очами.

Тут я понял, что дотоле видел только мираж. Эти люди собрались вовсе не для того, чтобы чествовать меня. Ведь здесь сидел сам аким – глава аула, села или даже чего-то покрупнее, вроде района или области. Это был мужчина солидный, с галстуком, едва дотягивающем до пупа, с бычьей шеей и стрижкой ежиком, венчавшей куполообразную голову. Он был одет в белую рубашку и тем выделялся особенно. Я тогда еще не видел, что под столом его ноги были разряжены в комфортные штаны фирмы «Адидас» с тремя полосками по бокам, а завершали его туалет черные туфли с зауженным носиком.

Дядя рассказывал, что население аула превышало две тысячи душ разных возрастов, имело школу, три магазина и, конечно, самое статусное и бесспорно важное учреждение – акимат, то есть местное правительство. Раз в гости пришел сам аким, значит, случилось что-то поистине незаурядное, и я с сожалением был вынужден признать, что это событие

превышает статусностью мой звездный приезд. На меня глядели либо с равнодушием, либо не глядели вовсе, хотя дядю и одолевал нервный глазной тик, когда он смотрел в мою сторону, а Бибисара улыбалась мне как-то игриво, как будто мы были соучастниками тайного сговора.

Что же такого произошло – выяснилось довольно скоро. В дом забежали ребятишки – такие мальчуганы лет от пяти до десяти, с чумазыми лицами, в перепачканных одеждах и в разнообразных обувках от шлепанцев до сапог. Они могли быть моими племянниками, внуками, братьями или просто соседями дяди.

Одного такого поймал важный аким и немедленно повел допрос, в то время как остальные устремили глаза в пол. Кто бы мог подумать, что вместо законного требования угощений эти хулиганы, наверняка проводившие большую половину дня в уличных играх, драках, лазаниях по деревьям или купаниях в глубоких лужах, будут стоять так смиренно и покорно, как будто их что-то сильно растревожило.

– Рассказывай все, что видел, мокроносый, а не то я посажу тебя в тюрьму! – заявил аким.

Этого было достаточно, чтобы мальчуган оставил все свое озорство и приступил, давась от слез и страха, к даче показаний.

– После школы, аким-агай, мы гуляли в лесу, там, где хозяйство дяди Жанибека. Он когда-то показывал нам тропинку, по которой ходят охотники. Вот туда мы и направились, чтобы немножко поиграть и потом пойти домой делать уроки.

– Оставь это вранье для своей матери, малявка, я ведь знаю, что ты троечник и останешься в четвертом классе на второй год. Говори по существу, или я привяжу тебя к хвосту коня и пущу его в степь.

Так сказал достойный аким. Его жесткий лик был отмечен печатью доблести в это мгновение, и даже я встрепенулся. Что говорить о мальчугане, который затараторил со скоростью известного американского рэп-исполнителя, известного миру под псевдонимом Эминем.

– Сначала мы дрались палками, и я поколотил Асылбека. Потом он побежал за мной, чтобы отомстить, но меня ведь не догнать. Тогда он стал кидаться шишками, но и то не попал, потому что он косой...

– Врешь! Ты... ты... – закричал другой мальчуган – по всей видимости, названный при рождении Асылбеком.

– Сам заткнись! Не видишь, что ли, мужчины разговаривают! – ответил допрашиваемый, выпрямил спину и задрал подбородок.

Никто из взрослых не смог сдержать улыбки, а вот аким был непреклонен, как стародавний бий, взявшийся распутать сложную межродовую распрю. Мальчик дрогнул под его огненным взглядом и продолжил:

– Мы забежали далеко, и тогда я увидел это яйцо! Оно было огромное, аким-агай, как будто яйцо тираннозавра! Вокруг ползали змеи и тараканы. Это было ужасно! Я, конечно, не испугался, а вот Асылбек струхнул и заплакал.

Асылбек и правда заплакал. Только не от испытанного ужаса, а от бессилия, потому что его сдерживали и дети, и взрослые и не давали ответить обидчику ни кулаками, ни языком. Но аким положил этому конец, отправив детей в сторонку и стукнув кулаком по столу.

– Яйцо динозавра! Чего только эти дети не придумают. Наверное, нашли гнездо какого-то орла и перетрусили. И чего такой шум-гам подняли? Весь аул на ногах!

– Нет-нет, аким-ага. Я сам видел, собственными глазами, – повторил мужчина с подбитым глазом. – Это яйцо тигрового питона!

– Эй, Жак, уж ты-то помолчи! Тебе с перепоя и не такое покажется. Тигровый питон! И откуда он такое взял? – обратился аким уже к окружающим. – Где тигр, а где питон, а? Дурак!

– Зря вы, аким-ага! Я ведь сам таких видел по телевизору. Там точно такие же яйца показывали!

– Брось, брось, Жак. Посмотрите на него! Ему зеленая змея уже мерещится, пока стопку не поставишь. Иди лучше покажи, где это яйцо, и принеси его сюда, поглядим, – велел аким.

– Разве можно! – вдруг запротестовал дядя. – Нельзя его трогать! Ведь если это яйцо змеи, тигровой или зеленой, уж не знаю, то что, по-вашему, сделает разъяренная самка, когда найдет свое гнездо пустым? Она нападет в ответ и украдет человеческого младенца.

Право же, нет ничего печальней, чем потуга автора, который ради подчеркивания шутки пишет «ха-ха-ха», силясь вызвать у читателя смех, хотя бы из жалости к его трудам. Поэтому я вынужден сказать, что грохнул, взорвался, заржал, ибо слово «прыснул» будет звучать слишком лирично. Эта дядина шутка, высказанная с видом, достойным преемника вождя, произносящего речь на похоронах своего предшественника, была поистине очаровательна.

Но он посмотрел на меня сурово, как если бы я допустил кощунство. И, что еще ужаснее для моего и без того задетого самолюбия, остальные последовали его примеру и окинули меня строгими взглядами.

– Он городской, бедолага, – сказал дядя как бы в оправдание, и, к моему удивлению, гостям этой фразочки было достаточно, ибо они понимающе закивали, а на меня стали смотреть уже не осуждающе, но сочувственно.

Мне вновь пришлось проглотить обиду, поскольку я был в явном меньшинстве. Ведь только маленькая племянница подбежала ко мне в тот момент, взобралась на колени и зашептала какую-то белиберду в ухо. Этим я был спасен от дальнейших совершенно неуместных насмешек и остался сидеть так, с племянницей на руках, как человек взрослый и рассудительный.

– Правильно говоришь. В позапрошлом году чабан Айдар, который пас общее стадо, заплутал и провалился в какой-то овраг. Там он нашел волчье логово, и только счастливая звезда уберегла его от того, чтобы быть съеденным, ведь волчица была на охоте. Но в логове остались несколько волчат, и глупый Айдар решил взять одного себе и вскормить. Вы же помните, что было потом.

Все закивали, а дядя все равно продолжил:

– Волчица выследила его, пришла в его дом и откусила ему ногу. Он потом в город ездил, на операцию.

Все закивали вновь, а женщина за столом даже ахнула. Так как чабана Айдара среди гостей я вроде не наблюдал, то сделал вывод, что он до сих пор лечится в городе и наверняка не испытывает ни малейшего желания возвращаться в аул, где безнаказанно бродят волчицы. И я его понимал, мне становилось жутко. Даже не от рассказов про змей и волчиц, но оттого, что все присутствующие, почтенные люди, привыкшие жить плодами своих трудов, такие близкие к природе и животному миру, не просто верили в сказанное, но как будто полагали, что иначе не может и быть!

И тем не менее аким вновь показал свою непреклонную власть и велел мужчине с опухшим лицом, которого он называл Жак, взять в помощники моего дядю, несколько мальчуганов из наиболее рослых и отправиться туда, где обнаружили это таинственное яйцо.

– Наверное, это яйцо какого-то орла или беркута. Сейчас принесут его, и мы все посмеемся. Этот Жаке постоянно находит что-то и норовит втюхать какому-то дураку, – тут он зачем-то посмотрел на меня и продолжил говорить, а женщины его слушали с вниманием и почтением.

Из дальнейших его рассказов я понял, что этот Жаке редко был отягощен делами и насущными его занятиями были попытки раздобыть известное прозрачное зелье или по крайней мере средства, на которые его можно было приобрести, а иногда и выменять. Судя по блеску глаз при виде бутылочки с похожим содержанием, которую Бибисара выставила на стол в самом начале, и блаженных метаморфоз на лице Жаке, сравнимых разве что со счастьем влюбленного юноши, которому после томных недель ожидания красавица наконец предоставила щечку для поцелуя, этот напиток являлся квинтэссенцией его деятельности и вообще бытия. Так что доверия ему было не больше, чем детям, а ведь только они и видели яйцо, которое взбудоражило аул и даже самого акима!

Бибисара хлопотала на кухне, а ее маленькая дочка наконец спрыгнула с моих подзатекших колен и убежала помогать или мешать матери. Без нее я остался как будто без брони, и аким тут же обратил на меня узкие щелочки своих уполномоченных глаз.

– Значит, ты племянник Касыма? – так зовут моего дядю, и я кивнул. – Значит, сочиняешь стихи?

Я вновь кивнул, хотя стезей моей была проза. Ведь наконец-то речь зашла о чем-то важном, и я благодарно обвел взглядом всех присутствовавших – почтенную прародительницу и женщину, не то жену акима, не то жену Жаке, а возможно, и обычную соседку-кумушку Бибисары. Она всхлипывала и вздыхала во время разговора, и до сих пор зажимала платочком рот, видимо, все еще раскрытый от изумления.

– А на домбре умеешь? – строго спросил аким.

– Нет, но я пишу...

– А-а! – зачем-то прервал меня аким и даже махнул на меня рукой, как будто перед ним сидел пустомеля.

А ведь я хотел поведать ему о задуманном романе о жизни аула и снова сделал попытку заговорить, но и тут он проявил свою власть, которая казалась не выборной, а потомственной.

– У нас тут все поэты. И на домбре играют и поют.

Я не поддался на провокацию и снова открыл рот, чтобы объяснить ему разницу между прозой и поэзией, между импровизацией акынов и словом печатным.

– А-а! – вновь сказал он многозначительно.

Но вместо очередной мудрости он не изрек ничего, потому что в комнату вошла Бибисара и на подносе принесла дымящийся бульон в фарфоровых пиалах. Она разнесла его гостям, а посередине стола поставила мисочку с куртом. Надо сказать, что я порядком проголодался и манящий дымок, паривший над сорпой, заставил меня позабыть об акиме и его распросах.

Выпив свою порцию, я почувствовал прилив сил и спросил акима, что привело его нынче в дом моего дяди, и, чтобы не показаться бестактным, присовокупил весьма остроумную шутку.

– Уж не являетесь ли вы нашим родственником?

– Мы из одного колена по линии нашего прапрадеда Ахмет-бия, – не моргнув глазом объяснил он.

Теперь я понял, почему должность его мне показалась наследственной, коль скоро в нашем роду в каком-то далеком поколении был бий.

– В акимате наводнение, поэтому я работаю здесь сегодня. У нас же ЧП! Яйцо! Я должен реагировать! Бибисара, скоро ли будет плов?

Так он ответил на мои вопросы, и после вдумчивого размышления они показались мне исчерпывающими. Судя по тазику с водой, который предоставила мне Бибисара прямо в гостевую спальню, и по туалету на улице, я сообразил, что в поселке имелась проблема нехватки воды. Видимо, вся вода трубами была подсоединена к акимату как самому нужному зданию, и потому там случилось наводнение – от обильного напора. Не успели, так сказать, распределить водные ресурсы. Ну а где же еще работать главе региона, как не в самом гостеприимном доме, в котором обитает умница Бибисара и ее миловидная дочка, моя племянница?

Отныне я был удивлен только тем, что в комнате не было участкового, главного врача, директора школы и остальных функционеров, но аким будто предугадал ход моих мыслей и не то сказал, не то отпрыгнул в сторону:

– Участкового надо звать. И врача! Вдруг это яйцо заразное! Протокол надо составить!

Все сошлось, и я умолк. Стало быть, ЧП, стало быть, яйцо. Именно оно было причиной всему происходящему, причиной, по которой дом моего дядюшки на время стал проходным двором.

Из открытой форточки, обтянутой пузырем марли, послышался шум. Он нарастал, как будто дом моего дяди окружали со всех сторон, как будто разъяренные аульчане узнали, что здесь затаился враг нашего рода, или, возможно, люди узнали, что в аул приехал знаменитый писатель, кто знает.

В любом случае шум становился все гуще, все громче, и тогда я стал даже радоваться присутствию в доме главы округа, ибо выглядел он настоящей скалой, за которой можно спрятаться, если вовремя покормить ее пловом.

Послышался скрип калитки и многочисленные голоса. Потом звук шагов по ступенькам крыльца и полу прихожей, и, наконец, в залу вошли люди. Это был не участковый, которого призывал аким, а только Жаке. Выглядел он, правда, поистине благоговейно, ведь впереди себя он нес нечто вроде колыбели, свитой птицами и зверушками, как будто для мальчика Маугли. За ним в комнату вошел мой славный родственник дядя, и далее их сопровождал хвост из давешних мальчишек, которые растеклись по стенкам залы и стали наблюдать за священнодействием Жаке. Он же несмелыми шагами углубился в комнату и поставил диво из веток, соломы и еще каких-то растений прямо на стол.

И тогда мы увидели невероятное.

Женщина, сидевшая за столом, снова ахнула и едва не повалилась в обморок. Если бы не диво, которое было предоставлено нашему обозрению, я бы подумал, будто она пародирует героиню мексиканского сериала. Но бравый дядя ухватил ее за плечи и потряс, чем быстро привел в сознание, хотя и заслужил почти враждебный взгляд своей милой супруги.

Надо признать, едва не ахнул и я сам, ибо на столе лежало огромное яйцо желтого цвета, в которое мог поместиться взрослый, откормленный кот.

– Массаган! – буркнул аким и растекся по стулу, будто сраженный стрелой неприятеля. А значило это высказывание что-то вроде «Вот те раз!», или, проще говоря: «Оба-на!»

– Алла-а! – закричала в свою очередь женщина, словно увидела труп любимого, и зарыдала.

– Вот, аким-ага, я же говорил! – торжественно объявил Жаке, когда руки его освободились от грозной ноши. – Разве я когда-нибудь врал вам? А вы мне не верите...

– Ладно, ладно, еще ты заплачь, – сказал аким, вновь беря уздечку разговора в свои пухлые руки с закатанными рукавами рубашки и губы, увлажненные нажористым бульоном.

Жаке воспрял. Казалось, что он получил некое разрешение, некую санкцию, так что откупорил бутылку, поставленную на стол для почетных гостей, так широко, так вожделенно раскрыл рот и уже готов был вылить в себя содержимое прямо из горлышка, но что-то остановило его. Может, укоризненный взгляд Бибисары, может, мое присутствие, а может, врожденное чувство гордости. Так что он оставил эту варварскую затею и обратил взор на пиалу, которую я успел опорожнить, налил пахучей жидкости в нее, и теперь его было не остановить никакой стихией. Ведь даже если бы землетрясение разорвало бы землю пополам, он все равно успел бы выпить и погибнуть в блаженстве.

Этот славный человек, полный страсти, был не лишен обаяния. На лице его отразилась нирвана, так будто только что исполнилась мечта его детства. Потом он взял кучку сухофруктов и закусил ими нектар своей жизни. Все было с тщанием прожевано и вскоре, после дёрганого движения могучего кадыка, исчезло в горниле его желудка. Он был счастлив, как поцелованный ангелом смертный.

– Ну что, аким-ага, когда выплатишь мою долю? – спросил Жаке, чем привел акима в недоумение.

– Какую долю, ты, тупица проклятый? Выпил и иди себе!

– Как это какую, как это какую!? – возмутился Жаке. – Да, яйцо нашли пацаны, но они несовершенно... хык... летние...

Он икнул и немножко смутился, и тут же улыбнулся, как добрый беззубый волшебник. Икнув еще раз, но уже напоказ, почти театрально, он под шумок налил себе еще немного горячительного и поспешно выпил, как больной выпивает живительную водичку.

– Так что, считай, я первый обнаружил яйцо, – Жаке перешел с акимом на «ты». В который раз я убеждался, что огненная вода способна пробудить в тихоне орла. – Беру всех в свидетели! – тут же продолжил воодушевленный Жаке, который теперь своим напором и горделивым жестом руки напоминал оратора в римском сенате. – Аким! Все знают, что я нашел яйцо! Теперь ты не сможешь продать его... Хык! Моя доля – пятьдесят... хык... процентов.

Аким оглядел присутствующих и понял, что никто ничего из сказанного не понял, ровно как и он сам.

– О чем говорит этот алкаш? – спросил он почему-то меня, как будто я был в доле с Жаке.

– Наверное, он думает, что вы хотите продать яйцо как находку, – предположил я.

– А-а! А он не хочет, чтобы я посадил его на трое суток за пьяный дебош? – так же доверительно, почти шепотом аким вновь поинтересовался у меня.

– Думаю, он считает это яйцо ценным объектом. Государство ведь платит за археологические находки, – снова предположил я.

– А-а! – на сей раз это звучало удовлетворенно.

Мы оба посмотрели на Жаке, как адвокат и судья, которым высшими силами поручено решить его судьбу. Он кивнул.

– Это яйцо тигрового пи... хык... тона. Такие только в Индии водятся. Я по теле... хык... зору смотрел. В зоопарк продадим. Моя доля – пятьдесят.

– А-а! Хорошо, хорошо. Садись, дурак, посиди, – сказал аким.

Жаке поддался уговору и сел, пока аким гладил его по голове, как блаженного. Не прошло и минуты, как бравый алкоголик захрапел.

– Что же это за гигант-то такой? Орлиное, что ли, яйцо, а? – спросил аким у моего дяди.

– Здесь орлы не водятся, – почесал голову тот. – Не может быть.

– Массаган! – аким снова сел и уставился на яйцо.

Дети заглядывали на это чудо-юдо через наши плечи и головы, и мы, сидевшие за столом неглупые люди, также не умели найти ответа. Наконец аким решил прикоснуться к яйцу, как будто это могло приблизить его к разгадке сей тайны. Он потянул ладонь, и вот-вот она должна была коснуться желтой скорлупы здорового яйца, как раздался крик. Он тут же одернул руку, чем выдал свой страх, словно жулик, едва не пойманный на месте преступления, а еще точнее, будто слуге народа протягивали плотную, пышную пачку зеленых, но честь вдруг возобладала над корыстью, и он сумел ее не взять.

– Не смей этого делать, аким! – это звучало как призыв к милосердию, но твердый, как изъявление последней воли жены висельника. Это были слова женщины, все время плакавшей, и тем нагонявшей на окружающих тоску и окутывающей злосчастное яйцо ореолом необъяснимости. Хотя крика ее было достаточно, все же она посчитала необходимым обвести пространство вытянутой рукой. Она окончательно привлекла внимание всех гостей, случайных, вроде акима, и законных, вроде меня. – В год, когда у богача Нурпеиса из рода Садыр сгорел дом, лет двадцать... десять назад, когда я была молодая, охотники нашли на северном склоне Тарбагатая точно такое же яйцо. Это вам подтвердят аксакалы... или любой из моего аула... И когда охотник притронулся к яйцу, оно раскололось, и оттуда выпулились змеи. Не тигровые, как сказал мой муж, – она наконец невольно прояснила мне свое происхождение и причину участия в собрании, – а ядовитые, маленькие и черные. Сто... нет, тысяча змей! И тогда в нашем ауле, когда я еще жила под кровом родителей, перед тем как этот несчастный забрал меня к себе женой, случилась беда. Эти змеи покусали детей, и потом началась эпидемия. Холера или чума, я не помню – я же не врач, – но пол-аула умерло.

– Ойбай! – улыбнулся аким. – Что ты городишь, баба? Надышалась, что ли, сивухой от своего ненаглядного алкаша?

– Ах ты, взяточник проклятый! Да я тебя под суд отдам, я в органы обращусь, и на тебя найдут управу! Я тебя свалю!

Правитель волости ничем не выдал своего волнения, однако к угрозе представительницы электората, которая вошла в образ Немезиды, отнесся с серьезностью.

– И что, пол-аула померло?

– Да!

– А куда делись змеи?

- Они расплескали свой яд и подошли.
- Вот как! Удивительные создания.
- Не создания, аким, а порождения ада!
- А-а! – аким вновь казался удовлетворенным.

Такой между ними состоялся диалог, и я даже не знал, воспринимать это как шутку или, подобно остальным, важно покивать. Было видно, как аким напрягает свой лоб, как сдвигаются его суровые брови, как весь он раздувается, а струйки пота текут по отъеденному на государственных харчах лицу. Дети вокруг, да что говорить, и все взрослые, затаили дыхание в ожидании его решения. И он решил:

– Тогда я не буду его трогать.

Женщина осталась довольна. Электорат победил. Глас народа был услышан и, что почти невероятно, воля его была исполнена. Так бывает в поистине демократических обществах, примеру которых мы все стремились подражать. Почтенная матрона, преисполненная гордости за свое деяние, села.

– Что будем делать, Касым? Может, и правда, какая-нибудь нечисть вылупится?

Мой дядя, бывший охотник, знавший леса и горы Тарбагатай наизусть, лишь пожал плечами. По-моему, он не хотел брать на себя и доли ответственности за происходящее, ведь если из яйца вылупятся змеи, гибель грозила всем нам, невольно оказавшимся на пути этих скользких ползучих гадов. Версия с тысячей черных змей казалась еще более чудовищной, чем та, с тигровым питоном.

Дядя подсел к акиму, неподалеку от яйца.

– Может, вызовешь спасателей? – предложил он.

– Из города? – уточнил аким.

– Да.

– Они нас спасут?

– Если успеют.

– А если нет?

– Тогда надо вызвать еще скорую.

– Две кареты?

– Или даже три.

Лично меня версии со змеями и орлами хоть и пугали, но не вполне удовлетворяли, так как тогда и до сих пор я считал себя человеком, одаренным глубокомыслием. Сельские жители, вероятно, не видели кинофильма под названием «Чужой», так как с прокатом видеокассет или компакт-дисков у них было туго. И потому я не могу обвинять их в том, что никто не предложил эту наиболее правдоподобную версию. Ведь из такого же яйца в кинофильме вылуплялись инопланетные личеухваты, а я пребывал в уверенности, что сие было бы пострашнее змей и орлов.

Напряжение нарастало, однако, поскольку никто даже не думал спасать свои жизни бегством, даже мальчишки, я сделал вывод о потомственной храбрости аульчан. Речь уже шла о вызове военных, когда случилось страшное.

Яйцо, до времени лежавшее вполне умиротворенно и только своим видом и исполинскими размерами напоминавшее всем о своей чудовищности, вдруг пошевелилось. Это увидели не сразу, а только после сухого звука, треска веточек под ним. И тогда оно затряслось, как будто нечто внутри стремилось к свету, стремилось родиться, чтобы пожрать все вокруг.

Все отскочили от яйца, когда оно двинулось в третий раз. Послышался всеобщий вздох.

– Касым! Неси ружье! Эй, сопляки! Бегите в подвал и несите топоры, косы и все тяжелое! – аким раздавал приказы.

Этот глава племени распорядился в доме дяди и Бибисары как высший властелин, которому бразды правления достались от Всевышнего. Ведь иначе, думал я, он не мог знать в каких местах хранятся те или иные предметы хозяйства моего дяди.

Вскоре приказы его были исполнены. На яйцо было направлено два охотничьих ружья, женщины и мальчишки вооружились ножами, топорами, вилами и лопатами. Наш род собирался встретить неприятеля, и это выглядело величественно в своей грозности. Даже я сильно сжал кулаки, ибо был одним из этого воинственного рода.

Но нападению не суждено было случиться. Неожиданно встала прародительница, доселе мирно почивавшая на другом конце длинного стола. Голос ее был подобен грому труб.

– Дураки несчастные! Олухи пустоголовые! Не смейте стрелять в это яйцо!

Авторитет прародительницы был настолько высок, что я мысленно утвердился в том, что она являлась бабушкой всем присутствовавшим. Даже дремавший Жаке вскочил, выпрямился смиренно, хотел отдать честь, но вместо этого потянулся за бутылкой.

– Слушайте, слушайте, ослы неповоротливые! Если бы в ваших головах было хоть что-то кроме кизяка, вы бы сразу обратились ко мне, и я бы сказала вам все!

Надо ли говорить, мой любезный читатель, что все взоры и все внимание было немедленно обращено на старушку. Мы вперили в нее умоляющие взгляды, мы готовы были пасть ниц и распластаться перед ней, как это делают католики перед алтарем в их готических соборах. Мы жаждали узнать истину из ее мудрых уст. И она как самая старшая представительница рода сжалилась над нами и сказала:

– Древнее пророчество теперь сбылось! О нем мне рассказывала моя бабка, а ей – ее бабка, а ей – сам древний старец, святой Ерназар-ата! Он говорил, что ровно через через двести шестьдесят четыре года, когда случится потоп и когда к склонам могучего Тарбагата из города явится сумасшедший, небо соединится с землей и от этого союза родится ребенок-айдахар! Все вы знаете, что сейчас как раз год дракона. И этому мальчику-дракону предначертано встать во главе нашего рода, когда я умру, и повести его к величию!

– Он что, станет президентом? – задал я вполне здравый, как по мне, вопрос.

Прародительница смерила меня уничтожающим взглядом с густым наливом презрения, так что я почувствовал себя абсолютным тупицей или сумасшедшим – тем самым, из пророчества. Тогда я был уверен, что подобное чувство должен был испытывать любой на моем месте, сжигаемый этими строгими очами, однако спустя время, я все же заподозрил себя в малодушии и излишней самокритичности.

– Потоп! Потоп же в акимате! – аким хлопнул себя по лбу.

Наверняка он был смущен тем, что не ему суждено встать во главе рода, но все же до сорокалетия мальчика, который должен был родиться, судя по всему, из яйца (а именно такой возраст предписан кандидатам в президенты нашего Казахстана), было еще много времени, и аким успокоился.

Старушка, поразив всех нас вестью из седых времен, села и предоставила нам разбираться со сказанным по своей воле. Но мы были настолько поражены известием о рождении мальчика-дракона, или, точнее, о его вылуплении из яйца, что были словно парализованы. А вот жена Жаке, уже имевшая успех на ораторском поприще, не растерялась и закричала, как это было у нее в привычке:

– Зачем вы это сюда принесли!? Разве может из яйца вылупиться человеческий ребенок? Это происки шайтана!

И тут погас свет. Да, да, мой драгоценный читатель, как заклинание, как призыв злого духа, сработало сказанное безумной теткой. Ибо все погрузилось во тьму, и вокруг послышались крики, визги и плач. Эти звуки горя людского довели над нами, заполняли пространство, готовые вот-вот поглотить все живое. А злополучное яйцо гигантских размеров светилось и будто отражало злое пламя на грубое, беззубое лицо пьяницы Жаке...

Я дотоле не сталкивался с нечистой силой и немного растерялся. Это безобидное чувство, правда, выплеснулось наружу коротким криком, чисто мужским, как бывало в эпоху батыров, воины выкрикивали боевой клич перед битвой. Не более того.

Но, когда свет вновь победил тьму и воцарился в гостевой зале, первым, что я увидел было смеющееся лицо дяди. Он явно вздумал вогнать меня в трепет, но и этого удовольствия я его лишил, скрыв свое беспокойство за лицом праведника. Но его было не провести:

– Что, испугался? Слышали, как он кричал? Одно слово – городской. Помогите, спасите!

Я точно помнил, что не кричал ничего подобного. Это было что-то вроде короткого «ах», «эй» или даже «эхе-хей!», но дядя все опошил, а остальные, как водится, его поддержали, хотя бы потому, что им было удобно взвалить и свой испуг на меня как человека нездешнего.

– Спасите, так кричал, да? Ой, умора! Вот дает, трусишка! – хохотал аким, хотя слезы страха еще не обсохли на его лице.

Даже дети, стоявшие вдоль стен и плакавшие еще минуту назад, теперь указывали на меня пальцами и хихикали открыто. Пришлось обратить скорбную мину в доброе и простодушное лицо, пусть и глуповатое. Раз уж сам лидер всей вотчины решил мною прикрыть свой позор, я был вынужден подчиниться и принять удар на себя.

Однако все это не отменяло главную проблему и главный источник всеобщего страха – яйцо.

Тут в комнату вошла Бибисара с огромным подносом.

– Эй, Касым! Хватит уже мучить людей! Плов готов.

– Как, жена! – воскликнул дядя. – Разве сейчас время ужинать? Видишь, гостям теперь не до ужина.

– Я сказала, хватит смеяться. Если у кого-то пропадет аппетит из-за твоих идиотских шуток и дорогие гости не отведают мой плов, то, видит Аллах, я от тебя уйду!

– Что такое? Бибисара, дорогая, что ты говоришь? – вступился аким. – Это что, какая-то шутка?

Дядя вдруг разразился смехом, достойным Иблиса. Он смеялся весело, заразительно, издевательски и долго. Пока Бибисара не стукнула его ложкой по башке, да так, что все услышали нечто вроде звона колокола.

И вот произошел раскол. Сначала раскололся дядя и поведал нам всем о том, как он съездил на Зеленый рынок в Алматы и как внимание

его привлекло не обилие товаров, а это самое яйцо, за которое он отсчитал уйму денег, а принадлежало оно, по словам торговца, огромному страусу эму.

Тут вновь брякнуло оружие, которое вооруженные дети и аким успели отложить. На сей раз они хотели направить его на шутника-дядю, но он успел рассказать, как стоял перед торговцем с округленными глазами, а тот рассказывал ему всякие небылицы о яйце. И поскольку сам дядя на короткое время пребывал в шкуре сегодняшних его гостей, в шкуре недалекого аульчанина, склонного верить во всяческие легенды, увидев нечто незнакомое его взору, то его пожалели и не убили тут же.

Настроение всех присутствовавших улучшилось еще и оттого, что на столе красовалась оттенками желтого, оранжевого и красного праздничная гора плова. Дети немедленно заняли свободные места, а их было достаточно за длинным столом, побросали топоры и ножи и вооружились ложками.

А затем произошел второй раскол – дядя разбил-таки злосчастное яйцо, чтобы все увидели его содержимое. Вместе с Бибисарой они отнесли его на кухню, чтобы зажарить, запечь или даже замариновать – о том я не ведаю. Но не прошло и часа, как на столе появилась самая большая яичница, которую я или любой из гостей когда-либо будет иметь наслаждение увидеть и съесть.

Даже прародительница отведала этого блюда, и, хотя древнее пророчество не сбылось, она ничем не выдала своей досады. Вероятно, она не видела ничего зазорного в том, что зря перепугала потомков, ведь огромных яиц на свете было много, и если именно в этом не оказалось мальчика-дракона, которому суждено стать великим и прославить наш род, это вовсе не означало, что он не вылупится из другого. Иного объяснения ее самоуверенности я найти не могу.

Так большим пиром закончился этот день, и согласно традиции после ужина все были отпущены по домам с полными карманами и пакетами угощений. Только совершенно сонный Жаке, полностью удовлетворивший свою единственную страсть, был оставлен ночевать в доме дяди, а вместе с ним после недолгих раздумий мужественно согласился остаться и его впечатлительная супруга.

Поскольку весь следующий день, который я должен был провести в ауле, был предназначен для хождения по горам и охоты вместе с дядей, я полагал, что вряд ли сумею в этот раз вновь насладиться столь замечательным обществом. Поэтому после всех переживаний я всей душой желал оставить о себе добрую память в этом замечательном месте и раздарил детям, ставшим зачинателями всех дальнейших событий, много вкусностей, которые привез с собой из города. Полагаю, я не без основания заключил, что именно дети как самые многословные и пронырливые представители местного населения сумеют как должно разнести обо мне благоприятную славу.

Ведь кто знает, может быть, скоро мне выпадет случай вернуться и вновь предстать перед этой приветливой компанией.

* * *

Возможно, среди отважных читателей найдутся такие, кто дочитал мой сказ до сего параграфа. И я посмею высказать надежду, что вы

будете настолько снисходительны, чтобы проявить интерес к еще одной детали, произошедшей в ту ночь.

Когда смолкли аульные псы и луна достигла своего зенита, я проснулся от навязчивых яичных кошмаров. Мне пришлось долго приходить в себя, прежде чем я осознал, что до утра мне не дотерпеть и уже теперь, в кромешной тьме, организм гонит меня воспользоваться местными удобствами. Я собрал свое мужество в кулак, оделся и пошел.

Как уже было описано, тропинка во дворике уходила в три стороны, и я выбрал правильную, ведущую к уличной будке. Но что-то тревожило меня, что-то терзало мне душу. И это были не отклики ночных кошмаров, но нечто вполне осязаемое. Уши уловили треск костра, а глаза различили свечение языков пламени. По дорожке, которая вела к мангальному месту, я пройти побоялся, но все же приблизился, притаился, пригляделся и прислушался.

Там в полном одиночестве колдовала почтенная матрона, жена алкоголика Жаке. Она приплясывала вокруг костерка, а из уст ее выскакивали какие-то дикие заклинания. Одновременно с этим странным обрядом она бросала в огонь осколки яичной скорлупы.